

Визави

О чем думает актер, покинув съемочную площадку или театральные подмостки, укрывшись от глаз любопытных зрителей? О себе. Ненасытное время требует все новых героев, и лица на афишах постоянно меняются. Какие они, лица нового времени? Что они думают о своей «жизни в искусстве»? Персонифицированно на эти вопросы отвечает Александр Песков, знакомый любителям кино по множеству фильмов, а театрам — по спектаклям Театра им. Пушкина «Такие свободные бабочки», «Дубровский», «Террористы», «Бесы».

Александр Песков:

«Все зависит от аппетита: хочется сладкого или соленого»

Популярный актер желает работать, а не крутиться

Алиса НИКОЛЬСКАЯ

— Александр, вы из тех артистов, кто достаточно востребован нашим «новым русским кино», тем кино, где неприменным атрибутом героя является пистолет. Как вы думаете, почему время породило спрос именно на такое кино?

— А что вы называете «новым кино»? Тот период — я имею в виду конец 80-х — начало 90-х годов — был просто ненасытным желанием попробовать то же, что делали на Западе: все эти боевики — примитивное копирование и больше ничего. Режиссеры были не обучены снимать такое кино, техники достаточной тоже не было. Конечно, это отголосок времени: ведь на улицах творится беспредел... Но если рассматривать эти фильмы с точки зрения искусства, то они строятся на подражании. Ведь раньше тоже снимали и детективы, и фильмы с батальными сценами, но все это делалось на нашей, так сказать, почвенной основе.

Если же говорить о том, что снимается сейчас, что, наверное, можно назвать «новым кино» — это какое-то изощренное; такое впечатление, что кино не существовало до этого. Есть некий герой, который мается душевными заморочками, будучи просто моральным и физическим уродом. Разве интересно смотреть на уродца, который выставляет напоказ свое уродство и при этом еще извергает

из себя истерику? Я представляю себе, как мучился актер, например, Урбанский в фильме «Чистое небо» — красивейший, мощный, настоящая глыба; он страдает, его душа то окрыленная, то сложенная, — к нему возникает сострадание, а не отвращение.

— Похоже, альтернативы нет...

— Как же нет! Есть множество режиссеров, прекрасных сценариев. Кому-то это, видимо, невыгодно. Я удивляюсь, почему до сих пор не закупили хорошую киношную технику: для рекламы она есть, а для кино — нет. Я снимался на Западе и знаю, что там техника безукоризненная и ее огромное количество. Почему у нас нельзя сделать так? Видимо, на кино деньги не зарабатываешь, вернее, зарабатываешь, но по-другому — на американском ширпотребе или мексиканском мыле.

— Вы так хладнокровно об этом говорите.

— И вместе с тем я думаю, что если заострять внимание только на ситуации в стране или в искусстве, то можно сойти с ума, и потому, на мой взгляд, надо отбирать из жизни что-то хорошее. Даже в тех ролях, которые мне не нравятся, я стараюсь отыскать что-то приятное. Пусть не влюбляться, но хотя бы не испытывать чувства безразличия.

— Вашей актерской натуре ближе подмостки или камера?

— Все зависит от аппетита — иногда хочется сладкого, а иногда соленого. Думаю, что я мчался бы на крыльях в зависимости от уровня работы — не-

важно, в театре она или в кино. В кино приходится отдавать больше, чем получаешь, потому что все стремятся сделать как лучше, а результата нет.

— А разве в театре не сложная ситуация?

— Да, но театр является неким профессиональным станком. Даже если ты существуешь в плохом спектакле у плохого режиссера, можно пытаться что-то сделать. Опять-таки, не знаю, чем я однозначно доволен из сделанного в театре... Мне нравится, например, спектакль «Эти свободные бабочки», нравятся «Бесы», где я играю Шатова. Но этот спектакль редко идет, потому что там заняты двое артистов «со стороны», хотя думаю, что он может прожить еще долго.

— Коль кругом такая неведомая картина, у вас не возникало желания сменить профессию?

— Да я даже не знаю, на что ее менять. Чем тогда заниматься? Только зарабатыванием денег. Единственная проблема, которая душит, это деньги. Так устроено государство: душит повышением цен, повышением квартплаты... Приходится крутиться, чтобы жить. Но почему я должен крутиться? Я пять лет учился в институте, уже десять лет работаю в театре — и опять крутиться? Бред!

Что касается смежных профессий — режиссуры, например, — то я еще до этого не дорос, а может, и склонности к этому нет. Мне бы хотелось еще поиграть. У меня были провалы в театральной деятельности — по полгода, по несколько месяцев — и есть ощущение, что еще очень много не сделано.

Вст. Москва. — 1998.

16 февр. — с. 6